

А.В. Сарабьев*

ПРОТЕСТНАЯ ВОЛНА И КОНТРОЛИ СТРАХА: ЛИВАНСКИЙ АКТ МИРОВОЙ ДРАМЫ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 12*

В статье представлен анализ динамики развития социальных протестов в Ливане в период с октября 2019 г. по март 2020 г., когда в стране были введены беспрецедентно жесткие карантинные меры в целях борьбы с вирусной пандемией. Подробно рассмотрены причины и предпосылки развития протестного движения в Ливане. Автор подчеркивает, что социально-экономические требования протестующих к исполнительной власти (в частности, о проведении реформ, направленных на устранение глубокого имущественного расслоения в обществе) с самого начала сочетались с требованиями демократизации общественно-государственных отношений на светской основе, устранения политического конфессионализма. При этом автор отмечает ряд особенностей народных выступлений в Ливане, которые существенно выделяли их на фоне протестной волны, охватившей многие страны мира: объединение демонстрантов поверх конфессионально-общинных и партийных границ, удивительную согласованность требований и действий протестующих при отсутствии общего руководства и т.д. В то же время автор заключает, что последовавшая смена правительства не повлекла за собой заметных изменений, на которые рассчитывали участники протестов. Состав нового кабинета далеко не был свободен от конфессионально-партийной ангажированности, а законы и меры, принятые в рамках борьбы с пандемией, были призваны, по всей видимости, еще больше «заморозить» сложившуюся благоприятную ситуацию для парламентского большинства и сформированного на его основе правительства. В частности, в текстах указов и законопроектов этого периода отчетливо прослеживается стремление власти не допустить впредь массовых протестов, подобных тем, которые случились осенью 2019 г. При этом данные меры не встретили серьезного сопротивления со стороны населения: несмотря на то что положение широких слоев многократно ухудшилось из-за введенных ограничений,

---

* *Сарабьев Алексей Викторович* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (e-mail: alsaraby@ivran.ru).

а многие потеряли единственный источник дохода, страх перед угрозой распространения коронавируса оказался гораздо более эффективным средством для остановки протестов, чем любые карательные меры правительства. Автор заключает, что динамика межпартийной конкуренции, не затихавшей даже в условиях жестких карантинных мер, свидетельствует о несбыточности надежд протестовавшего населения на начало «транзита» — перехода от традиционного кланово-конфессионального устройства ливанской политической системы к нормам и принципам, в большей степени соответствующим классическим представлениям о демократии.

Ключевые слова: социальный протест, политический транзит, демократизация, политический конфессионализм, пандемия, карантин, Ливан.

Социальные протесты 2019 г.: забытый вопрос взаимосвязи

Вспыхнувшие в 2019 г. в разных уголках планеты социальные протесты напоминали волну. Такие страны мира, как Чили, Аргентина, Боливия, Эквадор [Окунева, 2020], Британия, Чехия, Алжир, Судан, Ирак, Ливан, а также анклавы Каталония и Гонконг испытали всплеск протестного движения против несправедливых законов, глубокого социального расслоения и ухудшающихся условий жизни большинства населения¹. Протесты перехлестывали национальные и конфессиональные границы, и прибой этой «волны нестабильности» ощущался в соседних государствах, которым пока удалось ее избежать. Наблюдатели даже доходят до обобщений такого рода, что по всему миру в 2019 г. прошли именно антиправительственные протесты, волна «глобального импичмента»², и Россия так или иначе испытала бы на себе удары этого прибоя, если бы не опережающая тактика президента, выразившаяся, в частности, в смене правительства.

Эксперты задавались вопросами: как объяснить совпадение по времени народных выступлений в разных странах и что общего в характере этих протестов; является ли это протестное движение

---

¹ Быстрицкий А. Восстание масс — 2019 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 25.12.2019. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/chairman-speech/2019-voosstanie-mass> (дата обращения: 29.12.2019).

² Глобальное пробуждение — 2019: эксперты сравнили протесты в разных странах // Новые известия. 11.12.2019. Доступ: <https://newizv.ru/news/politics/11-12-2019/globalnoe-probuzhdenie-2019-eksperty-sravnili-protesty-v-raznyh-stranah> (дата обращения: 20.12.2019).

началом социального хаоса, вызванного в том числе хаотизацией международных отношений; стали ли протесты отголосками противоречий между левыми и правыми идеологиями или же они порождены причинами, не связанными с этой устаревшей оппозицией? Все эти вопросы были чрезвычайно важны, ведь, казалось бы, ответы на них могли помочь спрогнозировать события, чтобы смягчить их возможные негативные эффекты. Однако ответы не просто не были найдены — были забыты сами вопросы.

Те, к кому были обращены требования манифестантов в разных странах, сумели развести региональные повестки социальных протестов, не допустив информационного объединения этих проявлений в глобальную протестную волну. Во многих государствах прошли фасадные перестановки в исполнительной власти, а затем последовали беспрецедентно жесткие карантинные меры, которые окончательно свели на нет уличные выступления.

Генеральная медиатема в мировом масштабе в марте–апреле 2020 г. — вирусная пандемия — на глубоком уровне сознания сместила вектор социальных ожиданий: с общественного благосостояния и прогресса на личное выживание перед лицом грозных сил природы. Прагматизм сменился пессимизмом. Место «общественного договора», предполагающего ответственность политиков, заняли ощущение социального бессилия и делегирование «транслегитимных» полномочий [Бек, 2007: 117] государственным властям. Целые сообщества сковал страх перед опасностью пандемии, вытолкнувший на дальний план как понятие социальной справедливости, так и местные общественно-культурные традиции. Возможно, именно так выглядит пресловутая архаизация общественного сознания, которую прежде относили лишь к социумам с сильным влиянием традиций.

Теперь власти получили возможность эффективно сохранять общественный порядок, наделив себя правом угрожать карательными мерами, не прибегая ни к каким кодексам: население в массе своей уже не требует лучшего и признает «надправовое» право, довольствуясь имеющимся материальным уровнем или занявшись лихорадочным пополнением разного рода припасов. Те, кто в этих условиях находил, что «черный лебедь» пандемии размахом крыльев напоминает утку, рисковали остаться «белыми воронами». В любом случае, социальные протесты, нараставшие по всему миру несколько месяцев до начала введения карантинных мер, остались в невозвратном прошлом, а рефлексия протестных явлений будто бы утратила актуальность.

Причины ливанских протестов в октябре 2019 — феврале 2020 г.

Конечно, для исследователя вопрос анализа протестной волны остается существенным, несмотря на ее резкую остановку. Очень показательный пример в этом отношении представляет собой Ливан, где народные выступления, охватившие почти всё работоспособное население, продолжались много месяцев — с 17 октября 2019 г.³ Накопившиеся проблемы достигли предела в сознании населения, хорошо информированного об уровне жизни людей в разных частях мира. Сформулированный протестующими запрос на социальную справедливость обострил дебаты о самых базовых принципах общественно-государственного устройства. Было похоже, что ливанцы подхватили эту волну, пришедшую из Ирака⁴, где протесты начались всего на несколько недель раньше. Очень может быть, что сближающим оба эти случая стал фактор политического конфессионализма [Ливанский вариант ближневосточной демократии, 2019; Vaughan, 2018], который в Ираке также существует, причем в более жесткой форме, чем в Ливане⁵.

Иракские массовые демонстрации могли, конечно, стать для ливанцев поводом к выступлениям, но у них имелись и собственные причины для протестов, и весьма существенные. Уже несколько лет подряд простые ливанские семьи испытывали разнообразные трудности, для устранения которых власти делали недостаточно, будучи заняты, как казалось ливанцам, политическими играми. Многочасовые перебои в подаче электроэнергии, проблемы с утилизацией бытовых отходов, ухудшавшаяся экологическая ситуация из-за периодических лесных пожаров, нараставшая безработица, особенно среди молодежи, дороговизна жилья, телекоммуникационных услуг и образования, высокие тарифы на жилищно-коммунальное обслу-

---

³ Абу Зейд А. Время пошло. Успеет ли новое правительство Ливана доказать свою эффективность за 100 дней? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 30.01.2020. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vremya-poshlo> (дата обращения: 04.01.2020).

⁴ Ali Z. Iraqis demand a country // Middle East Report. № 292/3 (Fall/Winter 2019). Available at: <https://merip.org/2019/12/iraqis-demand-a-country> (accessed: 10.04.2020).

⁵ Интересно, что некоторые аналитики связывают ливанский конфессионализм с якобы неолиберальным курсом страны: «Это стало массовым восстанием против неолиберализма в ливанском стиле — неолиберализма своего рода, разыгрываемого в контексте поддерживаемого элитой конфессионализма». См., например: Majed R., Salman L. Lebanon's Thawra // Middle East Report. № 292/3.2019. Available at: <https://merip.org/2019/12/lebanons-thawra> (accessed: 10.04.2020).

живание и топливо — вот только некоторые проблемные области, препятствовавшие социальной стабильности.

На повседневной жизни ливанцев сказывались и структурные проблемы в экономике Ливана, в частности нехватка собственных мощностей для выработки и эффективного распределения электроэнергии [Fardoun et al., 2012], повсеместные случаи незаконных подключений⁶ и бизнес-интересы «генераторной мафии», которая за дополнительные поборы с населения якобы восполняла нехватку электричества во время веерных отключений государственных электростанций. К этому следует добавить, что в результате работы устаревшего оборудования с низкими экостандартами на мазутных ТЭЦ и перегруженности главных автотрасс загазованность воздуха местами втрое превышала допустимый уровень⁷. Внешний госдолг Ливана стремительно рос, затягивая финансовую систему страны всё глубже в кредитную яму. Наконец, прозвучавший на весь мир ливанский «мусорный кризис» 2015–2017 гг. так и не был разрешен по существу.

Социальная напряженность нарастала и в связи с политическими кризисами во всех ветвях государственной власти за последние несколько лет, причем активисты от разных партий намеренно поддерживали напряжение, черпая в этом политические очки для межпартийной конкуренции. Лишь в феврале 2019 г., после длительного периода согласования распределения министерских портфелей⁸, заработало легитимное ливанское правительство «национального согласия», возглавляемое премьером Саадом Харири, который представлял парламентское меньшинство. Казалось, государственные институты в полной мере восстановили свою работу и могли бы начать решать реальные проблемы населения. Однако ситуация стала развиваться с точностью до наоборот.

Неудачи ливанской исполнительной власти в экономике и социальной политике перешли порог критической массы осенью 2019 г., когда правительство, явно превысив меру терпения народа,

---

⁶ Whewell T. Lebanon electricity crisis: Stealing power to survive // BBC News. 13.12.2019. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-50760043> (accessed: 10.04.2020).

⁷ McDowall A. Fixing Lebanon's ruinous electricity crisis // Reuters. 29.03.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-lebanon-economy-electricity/fixing-lebanons-ruinous-electricity-crisis-idUSKCN1RA24Z> (accessed: 10.04.2020).

⁸ Batruni C., Hallinan M. Government (non-)formation in contemporary Lebanon: Sectarianism, power-sharing, and economic immobilism // Civil Society Knowledge Centre, Lebanon Support. 01.09.2018. DOI: 10.28943/CSKC.002.60002.

ввело дополнительные налоги: на табак и на пользование популярными приложениями мобильной связи. Люди вышли на улицы, обратив свой гнев в сторону недееспособных политиков. Сразу зазвучали призывы к отставке всего правительства.

Несмотря на моментальную отмену скандальных решений о новых налогах, народ не успокаивался. Требования протестующих формулировались не централизованно, но как бы в недрах общества, а потому оказались в целом общими для огромных масс разгневанных ливанцев. Впрочем, некоторые общественные движения над остроумными формулировками лозунгов работали целенаправленно, как, например, движение «Бейрут мадинати» («Бейрут — мой город»)⁹, но не смогли выйти в лидеры или стать авангардом протестной волны.

Подробные сведения о требованиях демонстрантов на начальном этапе «революции» имеются на портале некоего «Ливанского исследовательского центра», сотрудники которого обработали данные опроса, проведенного среди участников протестов 23–26 октября 2019 г. на Площади Рида Сольха и Площади мучеников (213 респондентов: 51% женщин, 59% лиц от 20 до 29 лет). Представленная на одной из диаграмм информация гласит, что на тот момент отставки госчиновников и депутатов (*истикалят аль-масулиин*) требовали 33% опрошенных, возврата украденных капиталов — 32, подотчетности политиков, банков и коррумпированных чиновников — 27, контроля и прозрачности — 6, независимости судов — 2%. На другой диаграмме представлено такое распределение: требования подотчетности — 32%, улучшения социального обеспечения — 19, политического представительства — 18, разные требования социально-экономического характера — 15, искоренения конфессионализма — 12, гражданских прав — 4%¹⁰.

При этом респонденты старше 30 лет, согласно источнику, несколько выше, чем молодежь 20–29 лет, ставили политическое участие, искоренение конфессионализма и гражданские права и намного ниже — требования социально-экономического характера

---

⁹ Большая подборка плакатов и другого иллюстративного материала, подготовленного этим движением, имеется на репозитории Американского университета в Бейруте. См.: American University of Beirut. Available at: https://scholarworks.aub.edu.lb/bitstream/handle/10938/21517/BeirutMadinati_tweets_20191017-20191130.zip?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 12.05.2020).

¹⁰ Lebanon protests — Oct. 2019. The Lebanese Center for Policy Studies (LCPS) // American University of Beirut. University Libraries. Available at: <http://aub.edu.lb.libguides.com/c.php?g=981597&p=7097207> (accessed: 01.03.2020).

(12 и 17% соответственно). Еще одной интересной особенностью распределения стало преобладание у мужчин политических требований: политического представительства (19 и 15%) и подотчетности государственных органов (35 и 31%), а у женщин — гражданских прав (6 и 2%) и социального обеспечения, в особенности образования (21 и 16%)¹¹.

Политические требования включали: смену правительства — 38%, новый избирательный закон — 30, проведение досрочных выборов — 14, смену политического истеблишмента — 12, глубокие реформы — 6%. Требования социально-экономического характера были сосредоточены вокруг следующих проблем: сложность трудоустройства — 41%, социальные пособия — 20, общий кризис в стране и высокие налоги — по 7, размер зарплаты и поддержка от правительства — по 6, расходы на проживание и проблема бедности — по 3%¹².

Протестное движение ширилось: в него были вовлечены разные возрастные и социальные группы, оно охватило различные районы страны с неоднородным конфессиональным составом населения. Демонстранты действовали на удивление методично, словно их главной целью было специально поставить страну на грань коллапса, чтобы как можно сильнее встряхнуть застоявшееся политическое поле. Они блокировали ключевые транспортные артерии Ливана, особенно столицы: дороги преграждали горящими покрышками, устанавливали импровизированные блок-посты, причем на активистов не действовали ни уговоры, ни гнев таких же, как они, простых ливанцев, направлявшихся к родственникам, спешивших на работу или перевозивших грузы. На новостных сайтах привычной стала рубрика «Информация о заблокированных дорогах».

Акции проводились буквально повсеместно — от самого севера страны до самого юга, от кварталов крупных городов с ключевыми автострадами до крохотных отдаленных населенных пунктов и небольших автодорог¹³.

Многomesячное нарушение нормального течения жизни протестными акциями наносило колоссальный ущерб и без того не-

---

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ Полезная информация о проводившихся акциях протеста по всему Ливану собрана на подробной интерактивной карте: Map of collective actions in Lebanon // The Civil Society Knowledge Centre. Available at: https://civilsociety-centre.org/cap/collective_action?fbclid=IwAR3o4pmZKDz9Ju_Hixk11z59ddLLc-bkHjiS5rbSpJb0C_DHDYfkodViAP0 (accessed 29.05.2020).

прочной ливанской экономике. Внутренних ресурсов для выправления ситуации не хватало: дефицит бюджета в Ливане значительно увеличивался на протяжении нескольких лет, страна столкнулась с серьезным фискальным дисбалансом, рост государственного долга приближался к 5% [Araji et al., 2019: 76–77]¹⁴.

Отличительные черты протестной волны в Ливане

Несколько особенностей выделяют ливанские протесты из ряда других, пронесшихся по миру в конце 2019 г. (в Ливане их наиболее активная фаза продолжалась вплоть до конца января 2020 г.).

1. Не просто массовый (почти всё трудоспособное население страны), а подлинно надобщинный характер протестных акций: в них участвовали представители всех религиозных общин Ливана. Не наблюдалось привычного размежевания по партийному признаку, обычно отягчаемого кланово-конфессиональными различиями. Даже напротив, протестующие выражали свое недоверие политическим партиям, призывая к обновлению политической системы в целом. Наблюдались и встречные попытки — со стороны партий — дискредитировать протестное движение. Сообщалось, например, о выявленных провокаторах (якобы из «Хизбаллы»), которые пытались вызвать беспорядки¹⁵, а также о серьезной стычке уже на 100-й день протестов (25 января в столичном южном пригороде Джнахе) между демонстрантами и сторонниками партии «Амаль»¹⁶.

2. Целенаправленные акции не только против конфессионального принципа ливанской политики, но и против созданного по этой схеме правительства. Однако в ходе протестов обошлось без привычного в

---

¹⁴ Впрочем, группа ливанских ученых пришла к выводу, утешительному для ливанской экономики, хотя, на первый взгляд, парадоксальному. Полагая, что только прямые иностранные инвестиции (ПИИ) стимулируют экономическую активность, а банковские кредиты и сбор налогов, наоборот, препятствуют росту экономики, они доказывают, что «замедление экономической активности может стимулировать ПИИ по мере снижения стоимости капитала и рабочей силы» [Awdeh et al., 2019: 54]. Таким образом, по их логике, удешевление рабочей силы в Ливане (в том числе за счет сирийских беженцев?) дает надежду на приток ПИИ, а впоследствии и на экономический подъем.

¹⁵ Об этом было много информации в соцсетях. О подобных фактах сообщали также медиа, например: Ливанская армия пресекла провокацию шиитских организаций // Голос ислама. 23.10.2019. Доступ: <https://golosislama.com/news.php?id=37412> (дата обращения: 30.10.2019).

¹⁶ Сведения об этом содержались, в частности, в референтуре МИД РФ по Ливану («Хроника событий»), направляемой российским посольством в Бейруте.

других странах (например, во Франции) открытого противостояния демонстрантов и государственного аппарата подавления. Действия полиции и армейских подразделений, участвовавших в урегулировании ситуации, были на удивление сдержанными, словно силовики давали понять протестующим, что и они сами представляют ливанский народ с его наболевшими проблемами. И это несмотря на факты бесчинства манифестантов, стычки и беспорядки при блокировке ключевых автодорог и просто на улицах городов. Были даже случаи, когда группы протестующих жестко пресекали действия своих же «активистов», направленные против сил безопасности¹⁷. Это очень контрастировало с жесткостью властей в некоторых других странах.

3. Не только социально-экономические, но и отчетливые политические требования, которые почти сразу стали ведущими: протестующие призывали власти к «чистым» демократическим реформам и отходу от системы политического конфессионализма. По сути, речь шла о требовании демократических преобразований в Ливане на светской основе (*аль-маданийя*). Это, кстати, должно стать сюрпризом для историков, убежденных в неизменно «восточных» чертах ливанского общественно-политического устройства¹⁸, в исконно присущем ему «согласительном», консоциальном характере. Ливанская модель политического устройства давно привлекает внимание исследователей¹⁹, однако в политологической литературе тема взаимосвязи консоциальных принципов с феноменом конфессионализма в целом еще недостаточно разработана. В этой связи призывы к отказу от данной модели, ясно прозвучавшие на гребне демократической протестной волны в Ливане, могут послужить дополнительным импульсом к ее более глубокому и серьезному изучению.

---

¹⁷ Такие явления имели место и на юге страны, и в столичном районе (например, в ходе беспорядков в бейрутском даунтауне 17 января). Печальный антирекорд по числу раненых был поставлен на следующий день, когда госпитализированы оказались 377 человек, в том числе сотрудники сил безопасности. См. (со ссылкой на AFP): Charting three months of protest, from large-scale gatherings to riots // The Daily Star. 20.01.2020. Available at: <https://www.dailystar.com.lb/News/Lebanon-News/2020/Jan-20/499557-charting-three-months-of-protest-from-large-scale-gatherings-to-riots.ashx> (accessed: 30.10.2019).

¹⁸ Например, Л.Б. Алаев пишет о Ливане и Малайзии: «Мне кажется, что метод установления квот и достижения договоренностей о разделении полномочий может считаться типовой формой установления восточной демократии» [Алаев, 2019: 391].

¹⁹ См. подробнее: [Сарабьев, 2019; Ливанский вариант ближневосточной демократии, 2019].

Тактика ливанских политиков

Немедленной реакцией правительства Ливана на массовые митинги 17 октября 2019 г. была отмена решений, послуживших поводом для выступлений. В течение суток были отменены новые налоги²⁰. Вскоре зазвучали даже популистские предложения сократить вдвое зарплату всем чиновникам госаппарата²¹.

Деятели ведущих ливанских партий, депутаты разных фракций как один выступали с выражением сочувствия ливанцам, вынужденным выйти на улицы, чтобы добиться справедливости. Вскоре с подобными речами обратились к протестующим и церковные иерархи, в первую очередь «патриарх Ливана» (маронитский патриарх и католический кардинал) Бишара Бутрос ар-Раи²².

Следующим заметным шагом со стороны властей стало решение о сложении полномочий главы кабинета министров. Он объявил об этом в конце октября²³. Однако последующие действия С. Харири заставляли усомниться в искренности его намерений: он и его министры еще месяц занимали свои посты (в статусе исполняющих обязанности), поэтому протестующие продолжали требовать назначения нового премьера и отставки «корруптированного правительства».

Еще через месяц, на исходе 2019 г., назначенный новый глава правительства Хасан Диаб объявил об откладывании на январь рассмотрения вопроса о составе будущего кабинета министров. В практической плоскости это означало, что прежние министры и дальше оставались на своих местах. Экс-премьер также фактически продолжал играть ведущую роль в исполнительной власти. Более того, он взял на себя и внешнеполитические функции вместо став-

---

²⁰ Халиль бад лика аль-Харири: тамм ат-такид аля инджаз аль-мувазана бидун ай дариба ау русум джадида [Халиль после встречи с Харири: дано заверение, что бюджет будет сверстан без каких-либо новых налогов или сборов] // Ан-Нашра. 19.10.2019. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1357345/-خليل-بعد-لقاء-خليل-الحريري-تم-التأكيد-على-إنجاز-الموازنات> (accessed: 31.10.2019).

²¹ Chehayeb K., Sewell A. Why protesters in Lebanon are taking to the streets // Foreign Policy. 02.11.2019. Available at: <https://foreignpolicy.com/2019/11/02/lebanon-protesters-movement-streets-explainer> (accessed: 12.02.2019).

²² Ар-Раи akkaд тадаманаха ма' аль-мутазахирин ва да'а ли-ль-мухафаза аля сильмия ат-тазахир [Ар-Раи подтвердил свою солидарность с демонстрантами и призвал поддерживать мирный характер демонстраций] // Ан-Нашра. 18.10.2019. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1356970/-الراعي-أكد-تضامنه-مع-المتظاهرين-ودعا-للمحافظة-على-سلم> (accessed: 12.12.2019).

²³ Его кабинет министров был сформирован лишь в начале года и озвучил свою программу 15 февраля 2019 г., т.е. проработал фактически 8,5 месяца.

шего крайне непопулярным и.о. главы МИД Джубрана Басиля. Так, именно С. Харири стоял за обращением в первых числах декабря 2019 г. к России, Соединенным Штатам, Саудовской Аравии, Египту, Англии, Франции, Италии, Испании, Китаю и Турции с просьбой о предоставлении товарных кредитов; именно он, а не уже избранный большинством депутатов (19 декабря) и одобренный президентом новый премьер и не и.о. главы ливанского МИД участвовал во встречах с прибывшим 20 декабря в Бейрут заместителем американского госсекретаря по политическим вопросам²⁴.

Вообще, многие заметные политики оставались на виду у массмедиа, несмотря на ключевое требование демонстрантов о тотальной смене действующих лиц политической арены: «Келлон я'ни келлон» (ливанский диалект араб. яз.: «Все — значит все»). Изменения такого рода ожидалось в Ливане давно — можно сказать, с начала «арабской весны», однако серьезного обновления состава властных кругов не происходило [Alianak, 2014: 161]. Сохранялась типичная для многих восточных стран, в особенности для Ливана, ситуация, когда вес и значение политика зависят от его поддержки определенными кланово-конфессиональными кругами, чьи интересы он в свою очередь и отстаивает [Алаев, 2019: 408].

В этих условиях реализованный ливанскими властями проект нового правительства «технократов», во главе которого и встал Х. Диаб, вызывает целый ряд вопросов. Почему этот проект вообще стал возможен? Только ли жесткость требований демонстрантов вынудила к нему прибегнуть? Какие способы подстраховки ведущие политики прибегли для себя, пойдя на этот шаг? Все эти вопросы нуждаются еще в дополнительном изучении, но уже сейчас можно сформулировать ряд предварительных наблюдений и выводов.

Во-первых, масштабы протестов не оставляли иного выхода, кроме смены правительства. При этом фигура нового премьера, профессора информатики, проректора Американского университета Бейрута, должна была удовлетворить требованиям протестующих, поскольку формально он не был связан ни с одной из ливанских партий.

Во-вторых, к смене кабинета министров подталкивали не только внутриливанская логика политической борьбы, но и настойчивые рекомендации извне. Для ливанской политической истории недавнего прошлого вообще были характерны частые смены министерского состава в кризисных ситуациях. С помощью политических роки-

---

²⁴ По данным референтуры МИД РФ по Ливану за декабрь 2020 г.

ровок обеспечивалась ротация доступа к властным ресурсам, чем смешивались карты оппозиционных блоков. Для населения страны они были призваны нести каждый раз новую надежду на перемены к лучшему. Что же касается установки на смену состава правительства извне, то, в частности, Международная группа поддержки Ливана (с Францией и ООН в качестве сопредседателей) призывала к скорейшему формированию нового правительства, ставя даже в зависимость от этого насущный вопрос предоставления Ливану финансовой помощи²⁵.

В-третьих, сколь ни замкнут высший политический клуб Ливана, всё же элиты пошли на формирование кабинета не из профессиональных политиков, а из специалистов (хотя, конечно, аффилированных с рядом ведущих партий), поскольку, по всей видимости, сочли риски для себя минимальными. Круги, близкие к президенту Мишелю Ауну, посчитали наилучшим поддержать состав «нейтрального правительства технократов», которое, судя по всему, обещало действовать в соответствии с политической линией главы государства, и это должно было способствовать закреплению указанных кругов на ключевых государственных постах. В свою очередь экс-премьер С. Харири, его единомышленники и партии, близкие к политической линии блока «Мустакбаль», могли рассчитывать, что в сложившейся тяжелой ситуации во всех отраслях ливанской экономики и на фоне трудного финансового положения новому правительству не удастся добиться заметных улучшений в краткосрочной перспективе, а это позволит переложить ответственность за бездействие прежних министров в глазах протестующих на новый кабинет. С. Харири даже выразился, что «дает» новому составу правительства 100-дневный срок для того, чтобы оно показало себя в действии, после чего собирается вернуться к активным политическим шагам²⁶.

Новый кабинет поспешил заявить о намерении провести за эти 100 дней первый (из трех) этап запланированных реформ, которые

---

²⁵ Ливан — Рабочее совещание Международной группы поддержки Ливана (11 декабря 2019 г., Париж) // Министерство Европы и иностранных дел. Доступ: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/liban/evenements/article/liban-reunion-de-travail-du-groupe-international-de-soutien-au-liban-11-12-19> (дата обращения: 20.01.2020).

²⁶ Аль-Джаммаль Р. Миат яум аля аль-хукума аль-любнания: ихфакат ва интикасат [Сто дней ливанскому правительству: провалы и неудачи] // Аль-араби аль-джадид, 22.05.2020. Available at: <https://www.alaraby.co.uk/politics/2020/5/21/100-يوم-على-الحكومة-اللبنانية-إخفاقات-و-انتكاسات-100> (accessed: 26.05.2020).

должны были коснуться и экономики, и финансово-банковской сферы, и борьбы с коррупцией, и общественной безопасности, и энергетики, и многих других направлений²⁷.

Правительство реформ

Процесс формирования нового кабинета министров проходил в обычном для ливанской политики режиме «консоциации»: долго и напряженно политические силы согласовывали распределение своих ставленников по министерским постам в «независимом правительстве технократов». Звучали и курьезные предложения. Например, друзкий лидер Валид Джумблат выступил 9 января с инициативой назначить на пост министра энергетики и водных ресурсов скрывшегося в Ливане от японского правосудия Карлоса Госна, бывшего многолетнего и эффективного руководителя альянса Renault — Nissan — Mitsubishi.

Состав нового правительства под председательством премьера-суннита Х. Диаба был утвержден президентом М. Ауном 21 января 2020 г. Из 20 членов кабинета 6 были женщины. В конфессиональном отношении портфели были распределены так: 5 министров-маронитов, 4 шиита, 4 суннита, 2 православных, 2 друза, 2 греко-католика, 1 армяно-григорианка²⁸ (правда, сначала были и другие предложения по составу, отвергнутые впоследствии: маронитам, православным и суннитам — по 4 министерских портфеля, шиитам — 3, друзам — 2, католикам — 1; или такая схема: маронитам, шиитам и суннитам — по 4, православным — 3, друзам, католикам и армяно-григорианам — по 1). Едва ли можно считать случайной такую пропорцию по конфессиям, учитывая, насколько она близка к реальному религиозно-конфессиональному составу населения: видимо, и на этот раз не обошлось без конфессиональных квот, пусть и неформальных.

В адресованном президенту и депутатам программном заявлении правительства говорилось, что «его министры признают принципы государственного суверенитета, разделения властей и передачи власти, а также свое внеконфессиональное видение [*пу'я гайр ат-*

---

²⁷ Аль-байян аль-визари [Министерское послание] // Маджлис аль-вузара аль-любнани. 21.01.2020. Available at: <http://www.pcm.gov.lb/Library/Images/Hok76Ministers/w76n.pdf> (accessed: 26.05.2020).

²⁸ Аль-и'лян ан ташкиль аль-хукума аль-любнанийя [Объявление о формировании ливанского правительства] // Амад ли-ль-и'лям. 21.01.2020. Available at: <https://www.amad.ps/ar/post/333021> (accessed: 26.05.2020).

та'ифийя], соответствующее принципам гражданственности и социальной справедливости»²⁹. Но на поверку правительство было создано в соответствии с обычным для Ливана конфессиональным распределением, и призывы протестующих к отмене принципа конфессионализма даже в этом моменте не были учтены.

В итоге, хотя правительство и провозглашалось как независимое и надпартийное, его сразу стали воспринимать как близкое к ведущему альянсу, включающему «пропрезидентское Свободное патриотическое движение [СПД] и шиитский тандем “Амаль” — “Хизбалла”»³⁰. Для этого были основания: 6 портфелей достались представителям СПД (блок «Сильный Ливан»), по 2 портфеля получили члены «Хизбаллы», «Амаль» и «Марады» (бывший альянс «8 марта»), 2 оказались беспартийными (включая главу правительства), 4 министра были назначены премьером (3 суннитов и 1 маронит), 1 представляла партию «Дашнакцутюн», 1 — Демократическую партию³¹.

Ни движение «Мустакбаль», ни «Ливанские силы», ни «Катаиб», ни прочие члены бывшего альянса «14 марта» не вошли в правительство. Они словно пошли ва-банк, предоставив кабинету большинства все возможности для того, чтобы приступить к решению громадных по своему масштабу проблем. Этот их шаг позволяет сделать два предположения. Во-первых, они, по всей вероятности, готовили свой ответный «сильный ход» после предполагавшегося ими провала «правительства технократов». Во-вторых, ожидания тех, кто возлагал надежды на изменение конфессионально-кланового принципа ливанской политики и демократизацию политического поля, остались за порогом наступившего года: произошло, напротив, углубление политического разделения сторон, группирующихся вокруг обладавших властными и материальными ресурсами лидеров: президента М. Ауна (а также оказавшихся несколько в тени могущественных фигур Х. Насраллы («Хизбалла») и Н. Берри («Амаль»)), с одной стороны, и С. Харири с дружественными ему кланово-партийными лидерами — с другой. Не исчезла и явная опора этих групп на соответствующие внешние силы, против чего (т.е. против компрадорства) также выступали ливанцы.

---

²⁹ Аль-байян аль-визари.

³⁰ Президент Ливана утвердил состав нового правительства // ТАСС. 22.01.2020. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7574153> (дата обращения: 30.01.2020).

³¹ Об основных ливанских политических силах см. подробнее: [Сарабьев, 2015].

Прибой и спад протестной волны

Зимой 2020 г. в Ливане не ослабевали протестные акции, в которых участвовали самые разные конфессиональные группы населения, объединенного уже не только недовольством новым составом правительства, но и вообще конфессиональным принципом устройства ливанской политики. В середине января, в ключевой момент обсуждения кандидатур на министерские посты, протестующие объявили даже новый виток своей активности, который, как обещали, превзойдет по интенсивности все прежние акции. Теперь протесты шли преимущественно под лозунгами отмены системы политического конфессионализма как таковой, проведения глубоких демократических преобразований и перехода к социально ориентированной государственной политике, устранения сегрегации и всепроникающей конфессионально-политической конкуренции. Конечно, требования протестующих касались и иных проблемных пунктов, о которых мы упоминали ранее (высокие налоги, безработица и т.д.), но уже в несколько меньшей степени.

Люди, воодушевленные началом преобразований, надеялись на то, что в их стране запущен процесс, который в политологии обычно обозначается размытым понятием «переход». Дело осложнялось тем, что этот принятый в транзитологии термин трудно применим к ливанскому случаю: в самом деле, что конкретно должно предполагать «углубление демократизации» (а тем более — «демократический транзит») в таком обществе, как ливанское, где уже существует почти абсолютная свобода СМИ, открыто действуют политические партии самого разного толка, соблюдаются все формальные демократические процедуры, а важнейшие политические решения вырабатываются путем консенсуса?

Для многих было ясно: вероятность того, что ливанские протесты смогут привести к отходу от конфессионально обусловленной системы политического участия, очень невелика. Помимо объяснимого сопротивления политического истеблишмента имеется и другая веская причина. Дело в том, что участники протестов сами в разном качестве входят в состав клиентельных сетей и внутриобщинных связей (родственных, соседских, деловых). По мнению специалистов, самоопределение большинства ливанцев (или, иначе, идентичность, социокультурная память [Rocci, 2019: 12; Salloukh, 2019; Szekely, 2014: 107]) является в первую очередь самоопределением общинным, а уже во вторую — общенациональным, ливанским. Авторы

исследования коллективной памяти из Ливано-американского университета (ЛАУ, Бейрут) справедливо замечают: «Ливанский случай показывает, что общины нередко имеют два противоположных дискурса общей памяти, создавая по ходу внутреннее и внешнее “иное”. И конкуренция сводится к тому, чтобы доминировать, во-первых, в дискурсе памяти соответствующей общины, а во-вторых, и на национальном уровне, оспаривая другие общинные дискурсы в единой памяти ливанской нации» [Aboultaif, Tabar, 2019: 109].

Подобные особенности подмечают и авторитетные отечественные востоковеды. В частности, Л.Б. Алаев среди прочих политических традиций, присущих восточным обществам вообще, выделяет отличное от европейской политической культуры отношение к (1) социально-политическим «новшествам», (2) сущности власти (освященность традицией или даже сакральность), (3) ее преемственности, (4) фаворитизму, (5) кланово-групповой организации политического поля, (6) неотделимости политики от религии, (7) возможности существования формальной демократии при фактическом деспотизме, или квазидемократии [Алаев, 2019: 408–409, 389]. Эти характеристики внутренне противоречивы и обнажают, с одной стороны, социально-групповую идентичность (социокультурную память), а с другой — державную, общегосударственную, причем обе они находятся в постоянном конфликте друг с другом.

В соответствии с этими двумя краеугольными камнями самоопределения, как писала в ноябре 2019 г. исследовательница из ЛАУ Тамирас Фахури, народные выступления будут перерастать во всё более организованные акции по двум возможным «стратегиям» протестующих: «Они либо успешно ведут переговоры с политическим классом, который соглашается на постепенный переход, либо они вызывают внутриэлитные разногласия, вынуждающие некоторых ключевых политических игроков покинуть истеблишмент и присоединиться к протестующим» [Fakhoury, 2019b: 5]. Оба этих варианта в своей основе содержат деструктивное ядро, предполагающее подрыв сложившейся системы отношений на внутривнутриполитической арене. Вместо нее должна была быть представлена ясная программа новой организации ливанской политики — видимо, от лица интеллектуального авангарда протестующих.

Однако ни программы, ни состава такого авангарда не просматривалось. Сама автор прогнозов признавала: «...протестное движение еще не определило траекторию политического перехода Ливана» [Fakhoury, 2019b: 5]. Таким образом, оба представленных

ученой прогноза оказались беспочвенными и соответственно не сбылись, а такие признаки протестной волны в Ливане (как, кстати, и во Франции), дающие повод для демократического оптимизма, как отсутствие интересов конкретного лидера и горизонтальный характер политических акций, были недостаточными для успеха.

К тому же у протестующих не было понимания (возможно, как раз в силу отсутствия единого центра) способа координации своих действий с движениями, условно называемыми «группами гражданского общества» (такими как, например, упомянутая «Бейрут мадинати» или выделившаяся из ее среды политическая группа «Ли балади»³²). Ливанский обозреватель Низар Хасан писал, что активисты таких групп, приняв решение участвовать в парламентских выборах, «переносят битву с улиц в парламент», и это поднимает вопрос о взаимосвязях между политическими оппозиционными силами и более широкими общественными движениями. Можно согласиться с экспертом в том, что разобщенность этих мобилизующих субъектов, как правило, не согласующих друг с другом организацию совместных действий, сама по себе усиливает фрагментацию гражданского пространства³³.

Еще в 2016 г., основываясь на данных социально-психологических опросов, ученые делали вывод, что «изменение социальной системы, т.е. резкое реформирование или замена существующего конфессионализма на эгалитарную альтернативу, дало бы благоприятные результаты, улучшило бы межгрупповые отношения в Ливане» [Badaan et al., 2020: 142]. В сознании граждан эта мысль назрела как основополагающая для реформ во многих областях жизни общества, и она отчетливо была выражена в ходе протестов осенью 2019 г. — зимой и весной 2020 г.

Позитивные сдвиги в общественной организации востребованы обществом, и предчувствием таких преобразований давно делятся политологи как в самом Ливане, так и за его пределами. Однако звучат признания, что никто не в силах предсказать временные рамки для глубокой демократической трансформации страны и реформы, возможно, не будут воплощены в ближайшем будущем [Makdisi, El

---

³² El-Hage A.-M. 'Li Baladi', un mouvement politique est né // L'Orient le Jour. 18.01.2018. Available at: <https://www.lorientlejour.com/article/1094934/li-baladi-un-mouvement-politique-est-ne.html> (accessed: 20.01.2020).

³³ Hassan N. Collective action digest // The Civil Society Knowledge Centre. 04.02.2020. Available at: <https://civilsociety-centre.org/digest/collective-action-digest-4-february-2020> (accessed: 20.03.2020).

Khalil, 2017: 268]. По данным процитированных выше ученых, оправдание частью ливанцев конфессиональной системы (sectarian system justification) напрямую коррелировало с противодействием равенству (opposition to equality), социально-экономическим консерватизмом и групповым фаворитизмом [Badaan et al., 2020: 141]. Это означает, что сторонники конфессионализма будут защищать устаревшие, но дающие им привилегии формы политического участия.

Конфессиональный принцип политического представительства, с одной стороны, ослабляет горизонтальные общественные связи, дезинтегрирует страну, с другой — подталкивает властные верхи к изоляции от простых граждан и маргинализирует повестку последних, а значит, основания для социальных протестов в дальнейшем остаются.

Кроме того, социальные и экономические проблемы Ливана по-прежнему находятся в зависимости от внешней опеки, связанной, как правило, с интересами конфессионально обусловленных сил в регионе. Т. Фахури в этой связи пишет, что внешнее покровительство не способствует социальным реформам, но, напротив, «побуждает элиту разыгрывать “конфессиональную карту” и использовать внешние кризисы как возможности для получения рычагов влияния» [Fakhoury, 2019a: 19]. К внешним импульсам можно отнести, например, воздействие саудовско-иранских отношений на политические конфигурации ведущих ливанских альянсов. Но и такие непривычные пока объекты научного анализа, как экономические и социально-политические последствия пандемии 2020 г. и вызванного ею «глобального локдауна», способны стать внешними импульсами внутривнутриполитических изменений — теми кризисами, которые могут быть использованы политиками как «рычаги влияния» в конкурентной борьбе.

Консоциальное «единство противоположностей»?

Тем временем в конце апреля завершался срок в 100 дней, в который новое правительство обещало провести первый этап реформ. Экс-премьер С. Харири, предоставивший якобы этот срок новому кабинету министров, еще 10 апреля подводил неутешительный итог его работы: «Готовившему план экономического спасения [*хуттат инказ иктисади*] правительству мы решили предоставить льготный период в ожидании, что сможем судить об этом обещанном плане, но, похоже, оно движется к плану экономического самоубийства [*хуттат интихар иктисади*], построенному на отъеме депонированных

в банках денег ливанцев». Звучала и угроза: «Скоро мы заговорим по-другому, если вопрос не будет улажен»³⁴.

Между тем выполнение намерений правительства Х. Диаба могло угрожать судебными разбирательствами многим политикам-бизнесменам, ведь одним из пунктов его плана было следующее: «Следить за расследованиями и принимать необходимые меры в отношении денежных средств, которые были переведены за границу до и после 17 октября 2019 г., и проверять на соответствие действующему законодательству процедуру переводов и их источники»³⁵. С. Харири, имеющий иностранные гражданства и бизнес за рубежом, вполне мог оказаться мишенью такого рода нападков, причем на законных основаниях.

Можно было бы отнести прозвучавшую угрозу экс-премьера «заговорить по-другому» на счет обычной риторики политической конкуренции, если бы не одно обстоятельство, которое ставит под вопрос вообще серьезность последней. Внешне политическое поле Ливана выглядело глубоко расколотым: победившее якобы большинство сформировало свое правительство, в которое не вошла так называемая непримиримая оппозиция. Однако ни для ливанцев, ни для зарубежных обозревателей не было секретом, что уже несколько месяцев подряд отмечалось потепление взаимоотношений движения «Мустакбаль» и «Хизбаллы» — главных оппонентов, ориентирующихся в свою очередь на оппонентов региональных — Саудовскую Аравию и Иран, соответственно. Хотя по мере активных действий, предпринимаемых новым правительством Х. Диаба, к весне 2020 г. С. Харири и проявлял все больше признаки непримиримой оппозиции, многое указывало на то, что взаимопонимание между ведущими политическими лагерями сохраняется. Например, Хусейн Аси, автор аналитического материала на эту тему, писал в начале апреля 2020 г., что наблюдаемый внешний разлад в отношениях («освобождение», *тахаррур*) между «Хизбаллой» и «Мустакбаль» легко переоценить, причем многие были даже убеждены, что их «сосуществование в согласии» (*аль-мусакана*), пусть и в относительном, продолжается. По мнению обозревателя, «Хизбалла» осознавала, что нельзя сбра-

---

³⁴ Аль-Харири: йабду ан аль-хукума таттаджаху ли-хуттат интихар иктисади мабнийя аля масади амваль аль-любнанийин [Аль-Харири: «Похоже, что правительство движется к плану экономического самоубийства, основанного на изъятии денег у ливанцев»] // Ан-Нашра. 10.04.2020. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1404694/الحريري:يبدو-أن-الحكومةتتجه-لخطةانتحار-اقتصادي-مين> (accessed: 20.04.2020).

³⁵ Аль-байян аль-визари. С. 7.

сывать со счетов С. Харири как масштабную политическую фигуру, а тот в свою очередь отдавал себе отчет, что для возвращения в Дом правительства (Серай) ему не обойтись без «благословения» (*аль-мубарака*) «Хизбаллы», даже если «другие его сторонники» гарантируют ему это³⁶.

Если же вернуться к периоду, непосредственно предшествовавшему ливанским протестам, то Х. Аси называет его и вовсе «медовым месяцем», когда в составе кабинета, возглавляемого С. Харири, министры от «Хизбаллы» были «первыми его сторонниками и, возможно, даже “сетью безопасности”, на которую он мог опираться в своих вероятных баталиях внутри и вне правительства»³⁷. Положение не поменялось и во время функционирования совета министров в качестве и.о. — как минимум вплоть до соглашения о выдвижении в середине декабря 2019 г. Х. Диаба как преемника.

Таким образом, практически весь период активных протестов в Ливане два ведущих полюса ливанского политического истеблишмента сохраняли относительное единство и согласие, которое получило даже особое название — «сковывание конфликта» (*рабт ан-низа*), т.е. заморозка долгих напряженных взаимоотношений этих главных оппонентов. Последовавшие жесткие карантинные меры внесли свои коррективы в политический расклад, но изменили они его всерьез или нет — остается вопросом, поскольку сохраняется неопределенность региональной политической диспозиции в условиях «кризиса пандемии».

Заморозка протестов, сроков и ответственности...

Демонстрации продолжались и в третьей декаде января — в период выработки бюджета на текущий год, но уже скоро смена общемировой парадигмы привела к сворачиванию протестов. На первый план вышла борьба с коронавирусом, которая в Ливане велась с самых первых случаев заражения с применением очень жестких карантинных мер. Интересно, что большинство ливанцев заразились от прибывших из европейских стран (в частности, из британской столицы).

Специальным правительственным указом от 15 марта 2020 г. была объявлена «всеобщая мобилизация для борьбы с коронавиру-

---

³⁶ Аси Х. Халь интахат мархалят «рабт ан-низа» байна Хизбалла ва аль-Мустакбаль? [Завершился ли этап «сворачивания конфликта» между Хизбаллой и Мустакбаль?] // Ан-Нашра. 09.04.2020. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1404221/?هل-انتهت-مرحلة-ربط-النزاع-بين-حزب-الله-المستقبل> (accessed: 20.04.2020).

³⁷ Там же.

сом». Юридическая зыбкость такой формулировки, как «всеобщая мобилизация» (*at-ta'bi'a аль-'амма*), потребовала разъяснений на высоком уровне, и они были даны в форме конкретных инструкций от лица главы правительства уже через неделю. Премьер заявил, что эти инструкции сформулированы «на основе предложений министра обороны, министра внутренних дел и муниципалитетов, министра здравоохранения, министра промышленности и министра экономики и торговли»³⁸ (т.е. подчеркивал авторство кабинета министров, не упомянув ни парламент, ни даже президента Ливана).

Основной акцент в распоряжении Х. Диаба был сделан на «обязательстве оставаться в своих домах и не оставлять их, за исключением крайней необходимости, а также ради предотвращения разного рода собраний в общественных местах и на частных территориях», и на «принятии неотложных необходимых мер для судебного преследования нарушителей в компетентных судебных органах»³⁹. Этот тезис повторялся дважды, и для его подкрепления оговаривалось использование сил армии и спецслужб: представить экстренные планы реализации упомянутой статьи указа поручалось «руководству армии, Главного управления сил внутренней безопасности, Главного управления общей безопасности, Главного управления государственной безопасности, муниципальной полиции и муниципальных профсоюзов»⁴⁰. Коллапс всей хозяйственной, социальной и культурной жизни страны стал реальностью ливанцев, но объявленные меры (карантин, lockdown) оказались действенными.

Еще через две недели, в первой декаде апреля, власти решили ужесточить ограничение на передвижения граждан: МВД опубликовало списки номеров автомобилей, которым было разрешено перемещаться по определенному графику⁴¹. На рядовых жителей распространялись беспрецедентные меры комендантского часа,

---

³⁸ Карар ли-Диаб тадаммуна та'лимат татбикийя ли-и'лян ат-та'би'а аль-'амма [Постановление Диаба, содержащее практические рекомендации к исполнению Указа о всеобщей мобилизации] // LBC news. 22.03.2020. Available at: <https://www.lbcgroup.tv/news/d/corona-virus/الاعلان-التعبئة-الع-تعليمات-تطبيقية-لاعلان-التعبئة-الع-ar> (accessed: 20.04.2020).

³⁹ Там же. Ст. 1.

⁴⁰ Там же. Ст. 2.

⁴¹ Сообщали, например, что в г. Триполи даже для передвижения адвокатов со служебными целями защиты подсудимых адвокатская коллегия была вынуждена составить специальное обращение на имя министра юстиции, а та в свою очередь делала запрос на имя президента.

нарушителям грозили аресты⁴². Между тем, по данным Всемирной организации здравоохранения, подтвержденных случаев заражения в стране с 22 февраля по 11 апреля 2020 г. было зафиксировано 609, а случаев гибели от этой болезни — 20⁴³ (важно, что на тот момент не было зарегистрировано ни одного случая заражения среди беженцев или перемещенных лиц).

В условиях жесткой изоляции, транспортной блокады и остановки производств в очередной раз пострадали наименее обеспеченные слои населения. Например, множество водителей общественного транспорта остались без работы и средств к существованию. В Триполи они провели сидячую забастовку с требованием к МВД запустить движение автотранспорта⁴⁴.

Впрочем, при таком количестве блокпостов и активном патрулировании страны военными и силами безопасности серьезных акций протеста можно было уже не бояться. Хотя министр по социальным делам Рамзи аль-Машрафие и упоминал о взрывоопасности ситуации⁴⁵, людей держал в домах уже не столько страх перед репрессивными мерами, сколько серьезные опасения пополнить печальную статистику зараженных. Подобная «автостабилизация» общественной ситуации заставила население надолго забыть о лозунгах недавних протестов.

Тем временем легислативная «заморозка» продолжалась. Не решившись ввести в стране режим чрезвычайного положения, правительство всё же выдвинуло неоднозначные законодательные инициативы. 9 апреля 2020 г. министры направили на утверждение в парламент законопроект о приостановке юридических и судебных сроков.

---

⁴² Любнан йушаддид иджра'ат ман' ат-гаджаввуль [Ливан усиливает меры по ограничению передвижения] // Аш-Шарк аль-Авсат. № 15106. 07.04.2020. Available at: <https://aawsat.com/home/article/2220626/لبنان-يشدد-إجراءات-ممنوع-التجول> (accessed: 20.04.2020).

⁴³ Lebanon. Last updated: 11.04.2020, 2:00pm // World Health Organization. Available at: <https://who.sprinklr.com/region/emro/country/lb> (accessed: 20.04.2020).

⁴⁴ Любнан йушаддид иджра'ат ман' ат-гаджаввуль.

⁴⁵ В качестве меры со стороны своего министерства он объявил о предоставлении пособия малообеспеченным семьям в размере 400 тыс. л.ф. (256 долл.) на семью, которое направляли 44–47 тыс. семей, что вместе с другими пособиями охватывало около 150 тыс. ливанских семей, получавших государственную помощь. См.: Пола А. Вазир аш-шу'ун аль-иджтима'ийя аль-любнани: на'маль ли-гаджаннуб аль-инфиджар [Ливанский министр по социальным делам: мы работаем над тем, чтобы не допустить взрыва] // Аш-Шарк аль-Авсат. № 15106. 07.04.2020. Available at: <https://aawsat.com/home/article/2220471/وزير-الشؤون-الاجتماعية-اللبناني-نعمل-لتجنب-الانفجار> (accessed: 20.04.2020).

Показательно, что вновь в документе правительства звучала дата начала ливанских протестов. Законопроект предполагал, что «в период с 18 октября 2019 г. по 30 июня 2020 г. приостанавливается действие всех юридических, судебных и договорных сроков [та'лик аль-мухаль аль-канунийя ва-ль-када'ийя ва-ль-'акдийя], предоставляемых лицам с публичными и частными правами для осуществления всех видов прав, независимо от того, являются ли эти сроки формальными или процедурными, либо распространяются на основании права; решение включает приостановку сроков гражданских, коммерческих и уголовных дел; указанные сроки будут возобновлены после окончания их приостановки»⁴⁶.

Верхняя дата «приостановки сроков» была связана, видимо, с прогнозами жестких карантинных мер — почти на три месяца вперед. Нижняя дата ясно указывала на начало массовых протестов в стране (т.е. закон обратной силы?). Напрашивается вывод, что в представлении юристов, готовивших законопроект, жесткость карантинных мер и наказание за участие в беспорядках периода массовых протестов оказались взаимосвязанными. Другое наблюдение касается масштабной программы самого правительства: очевидно, что министры попытались юридически подстраховать свои возможные неудачи в будущем. Ответственность исполнительной власти перед народом была, тем самым, как бы переложена на пандемию, вызвавшую необходимость жестких ограничительных мер.

* * *

Бурные перипетии ливанской общественно-политической жизни на протяжении полугода — с середины осени 2019 г. до середины апреля 2020 г. — напоминали античную трагедию. Однако вслед за развязкой сюжета (временной остановкой протестов и стабилизацией общества в состоянии тревоги нового типа — перед лицом пандемии) не последовал «катарсис» (обновление базовых принципов формирования органов власти). Это должно означать, что смысловой итог отнюдь не достигнут и впереди новые повороты сюжета, которые, вероятнее всего, будут повторять в общих чертах уже виденные

---

⁴⁶ Аль-хукума ахалят машру' аль-канун ар-рами иля та'лик аль-мухаль аль-канунийя ва-ль-када'ийя иля Маджлис ан-наваб [Правительство передало в Совет депутатов законопроект о приостановке юридических и судебных сроков] // Ан-Нашра. 09.04.2020. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1404487/> الحكومت-أحالات-مشروع-القانون-الرامي-الى-تعليق-المهمل (accessed: 20.04.2020).

когда-то сценарии⁴⁷. Например, наподобие тех, когда главные действующие лица совершают тактический отход, а затем используют в своих интересах конфликтную ситуацию, чтобы попытаться взять в свои руки максимум власти.

Итак, значительная часть протестующих требовала глубоких демократических реформ на основе единой для всех ливанцев светской гражданственности, однако при этом сталкивались упомянутые противоречивые уровни самоопределения. Этот внутренний конфликт порождает некоторую неустойчивость (или даже двойственность) позиций и обуславливает обреченность народных выступлений на неуспех. И, судя по всему, пока социально-групповая (например, конфессиональная или клановая) принадлежность все-таки является доминирующей среди ливанцев по отношению к общенациональной идентичности.

Спад протестов стал результатом не только внутренних противоречий самого движения, но и сознательных шагов исполнительной власти по стабилизации ситуации в условиях борьбы с пандемией. При сопоставлении жесткости введенных карантинных мер в Ливане с лавированием правительства Х. Диаба в настоящем море экономических и социально-политических проблем напрашивается вывод, что карантин был использован в интересах политических кругов, стремившихся свести на нет протестный потенциал населения. Настоящим ограничителем, однако, стали не полицейские меры или угрозы штрафов, а посеянный среди ливанцев страх, причем была заметна разница в подаче информации разными массмедиа: одни говорили об угрозе заболевания в спокойной конструктивной манере, другие же помещали раздражающие баннеры о вирусной инфекции и заполняли пространство сайтов визуальным материалом, напоминавшим о смертельной опасности этой болезни⁴⁸. Одним из результатов исполнения указа о «всеобщей мобилизации» на фоне охватившего людей страха перед болезнью стало умиротворение общественной ситуации вплоть до середины мая 2020 г.

---

⁴⁷ Действительно, после ослабления жестких карантинных мер в мае 2020 г. протесты возобновились, правда, далеко не с прежней силой. Но масштабная акция была назначена на 6 июня — трагический для всех арабов день начала арабо-израильской войны. Было ли это попыткой перевода ливанских протестов на региональный или общеарабский уровень, покажет время.

⁴⁸ Надеемся, что через некоторое время появятся исследования с анализом мотивов таких различий в информационной политике ливанских медиа в период карантина.

При всем этом оставалась надежда, что вынужденная тревожная «автостабилизация» ливанского общества в период карантина могла послужить благоприятным фоном для преобразований, обещанных ливанским «правительством реформ». Вполне предсказуемо, однако, что коренные изменения так и не были начаты, а власти пошли по проверенному пути, обратившись за помощью к Международному валютному фонду. После десятого раунда переговоров ливанской делегации с его представителями в начале июня 2020 г. правительство Х. Диаба продолжало связывать успех своей работы с финансовой помощью извне. При этом почти через пять месяцев после формирования нового кабинета план экономического спасения якобы только еще создавался: «Правительство, — заявляла министр перемещенных лиц 6 июня, — заинтересовано в разработке осуществимого экономического плана, и все его члены намерены серьезно работать, потому что его цель — спасти страну...»⁴⁹

Таким образом, причины социальных протестов не были устранены, к лозунгам митинговавших политики не прислушались, в очередной раз отодвинув во времени проведение давно назревших реформ. Впрочем, глубокие изменения в Ливане возможны только в случае синергии всех конфессионально обусловленных политических сил ради укрепления гражданственности, выведения этого уровня ливанской идентичности на первый план. Синергии, напоминающей ту, которую продемонстрировали ливанцы в ходе недавних социальных протестов — общеливанской, надобщинной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. М.: Ленанд, 2019.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельникова. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007.
3. Ливанский вариант ближневосточной демократии // Ближний Восток в поисках политического будущего / Науч. ред. В.Г. Барановский, В.В. Намкин, отв. ред. А.В. Сарабьев. М.: ИВ РАН, 2019. С. 136–166.
4. Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 8–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9.

---

⁴⁹ Гада Шрейм ли-н-Нашра: Сундук ан-накд ад-дували аккад аля аркам аль-хукума ва-ль-инфитах аля-ш-шарк ихтималь варид фи кулли вахт [Гада Шрейм «Аль-Нашре»: МВФ подтвердил цифры правительства, и открытость по отношению к Востоку в любое время может стать возможной перспективой] // Ан-Нашра. 06.06.2020. Available at: <https://www.elnashra.com/news/show/1418402/> غادة شريم لى-ن-ناشرا: صندوق النقد الدولي -أكّد-على-أرق (accessed: 10.06.2020).

5. Сарабьев А.В. Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // Вестник МГИМО. 2019. № 12 (4). С. 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112.
6. Сарабьев А.В. «Сейсмография» ливанского системного кризиса // Конфликты и войны XXI в. (Ближний Восток и Северная Африка) / Под ред. В.В. Наумкина, Д.Б. Малышевой. М.: ИВ РАН, 2015. С. 217–248.
7. Aboultaif E.W., Tabar P. National versus communal memory in Lebanon // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 97–114. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565183.
8. Alianak S.L. *The transition towards revolution and reform: The Arab Spring realised?* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
9. Araj S., Hlasny V., Ichrakieh L.M., Intini V. Targeting debt in Lebanon: A structural macro-econometric model // *Middle East Development Journal*. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 75–104. DOI: 10.1080/17938120.2019.1583508.
10. Awdeh A., Jomaa Z., Zeaiter M.A. Exploring the effectiveness of financing resources in promoting economic growth in Lebanon // *The Journal of Developing Areas*. 2019. Vol. 53. No. 3. P. 43–57. DOI: 10.1353/jda.2019.0037.
11. Badaan V., Richa R., Jost J.T. Ideological justification of the sectarian political system in Lebanon // *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 32. P. 138–145. DOI: 10.1016/j.copsyc.2019.07.033.
12. Fakhoury T. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's political transition // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 9–26. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565173.
13. Fakhoury T. The unmaking of Lebanon's sectarian order? The October uprising and its drivers. IAI Commentaries, 19/66. 2019.
14. Fardoun F., Ibrahim Ou., Younes R., Louahlia-Gualous H. Electricity of Lebanon: Problems and recommendations // *Energy Procedia*. 2012. Vol. 19. P. 310–320. DOI: 10.1016/j.egypro.2012.05.211.
15. Makdisi S., El Khalil Y. Lebanon: Sectarian consociationalism and the transition to a fully fledged democracy // *Democratic transitions in the Arab world* / Ed. by I. Elbadawi, S.A. Makdisi. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 240–268.
16. Roccu R. Democratization beyond capitalist time: Temporalities of transition in the Middle East after the Arab uprisings // *Middle East Critique*. 2019. Vol. 28. No. 3. P. 1–15. DOI: 10.1080/19436149.2019.1633054.
17. Salloukh B.F. War memory, confessional imaginaries, and political contestation in postwar Lebanon // *Middle East Critique*. 2019. Vol. 28. No. 3. P. 341–359. DOI: 10.1080/19436149.2019.1633748.
18. Szekely O. The costs of avoiding transitional justice: Lessons from Lebanon // *Transitional Justice and the Arab Spring* / Ed. by K.J. Fisher, R. Stewart. London: Routledge, 2014. P. 94–111.
19. Vaughan K. Who benefits from consociationalism? Religious disparities in Lebanon's political system // *Religions*. 2018. Vol. 9. No. 2. DOI: 10.3390/rel9020051.

A.V. Sarabiev

**PROTEST WAVE AND COUNTERMEASURES OF FEAR:
LEBANESE ACT OF A GLOBAL DRAMA**

*Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences
12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031*

The paper examines the dynamics of social protests in Lebanon from October 2019 till March-May 2020 when the government imposed unprecedentedly rigorous restrictive measures to combat the spread of COVID-19 infection. The paper identifies the underlying causes of the protests. The author stresses that from the very beginning socio-economic demands of protestors addressed to the executive power (particularly, to grapple with the rising income inequality) were accompanied by calls for democratization on the secular principles and elimination of political confessionalism. At the same time, the author outlines certain specifics of popular uprisings in Lebanon that distinguish them from simultaneous protests in other countries, namely their supra-ethnic, supra-religious and non-partisan character and their remarkable coherence and coordination, given the lack of overall leadership. The author emphasizes that the subsequent change of government has not brought, however, significant changes the protestors hoped for. The new Cabinet was not free from traditional confessional and political bias, whereas legal and administrative measures undertaken by the new government to combat the pandemic were, apparently, also aimed at ‘freezing’ the current situation favorable for both the parliamentary majority and the government. In particular, the recent laws and regulations reflect the Government’s desire to prevent the resumption of protests equivalent to those of the fall of 2019. All these measures did not face serious resistance, even though the economic situation of the population has worsened, and many people have lost their livelihoods. However, the fear of the COVID-19 has proved to be a more efficient means of preventing protests than any punitive measure. The author concludes that the dynamics of inter-party competition even under strict quasi-quarantine measures shows that the hopes of protestors for a genuine transition from a traditional clan and confessional structure of the Lebanese political system to the standards and principles of a developed democracy proved futile.

Keywords: social protest, political transit, democratization, political confessionalism, global pandemic, quarantine, Lebanon.

About the author: *Aleksei V. Sarabiev* — PhD (History), Leading Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: alsaraby@ivran.ru).

REFERENCES

1. Alaev L.B. 2019. *Problematika istorii Vostoka* [Problems of the history of the East]. Moscow, Lenand Publ. (In Russ.)
2. Beck U. 2002. *Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter: Neue weltpolitische Ökonomie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp [Russ. ed.: Bek U. 2007. *Vlast' i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaya vseмирno-politicheskaya ekonomiya*. Moscow, Progress-Traditsiya, Territoriya budushchego Publ.].
3. Livanskii variant blizhnevostochnoi demokratii [Lebanese version of Middle East democracy]. 2019. In Baranovsky V.G., Naumkin V.V., Sarabiev A.V. (eds.). *Blizhnii Vostok v poiskakh politicheskogo budushchego* [Middle East in search of a political future]. Moscow, IOS RAS Publ., pp. 136–166. (In Russ.)
4. Okuneva L.S. 2020. Latinskaya Amerika prishla v dvizhenie: v chem smysl sotsial'nykh protestov oktyabrya 2019 goda? [Latin America has set in motion: What is the meaning of social protests in October 2019?]. *Latin America*, no. 1, pp. 8–21. (In Russ.)
5. Sarabiev A.V. 2019. Livan: obyknovennaya 'konsotsional'naya demokratiya' v regional'nom kontekste [Lebanon: Ordinary 'consociational democracy' in a regional context]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 12, no. 4, pp. 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-89-112. (In Russ.)
6. Sarabiev A.V. 2015. 'Seismografiya' livanskogo sistemnogo krizisa ['Seismography' of the Lebanese systemic crisis]. In Naumkin V.V., Malysheva D.B. (eds.). *Konflikty i voyny XXI v. (Blizhnii Vostok i Severnaya Afrika)* [Conflicts and wars in the 21st century (Middle East and North Africa)]. Moscow, IV RAN Publ.
7. Aboultaif E.W., Tabar P. 2019. National versus communal memory in Lebanon. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 25, no. 1, pp. 97–114. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565183.
8. Alianak S.L. 2014. *The transition towards revolution and reform: The Arab Spring realized?* Edinburgh, Edinburgh University Press.
9. Araji S., Hlasny V., Ichrakieh L.M., Intini V. 2019. Targeting debt in Lebanon: A structural macro-econometric model. *Middle East Development Journal*, vol. 11, no. 1, pp. 75–104. DOI: 10.1080/17938120.2019.1583508.
10. Awdeh A., Jomaa Z., Zeaiter M.A. 2019. Exploring the effectiveness of financing resources in promoting economic growth in Lebanon. *The Journal of Developing Areas*, vol. 53, no. 3, pp. 43–57. DOI: 10.1353/jda.2019.0037.
11. Badaan V., Richa R., Jost J.T. 2020. Ideological justification of the sectarian political system in Lebanon. *Current Opinion in Psychology*, vol. 32, pp. 138–145. DOI: 10.1016/j.copsy.2019.07.033.
12. Fakhoury T. 2019a. Power-sharing after the Arab Spring? Insights from Lebanon's political transition. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 25, no. 1. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565173, pp. 9–26.
13. Fakhoury T. 2019b. The unmaking of Lebanon's sectarian order? The October uprising and its drivers. *IAI Commentaries*, 19/66.

14. Fardoun F., Ibrahim Ou., Younes R., Louahlia-Gualous H. 2012. Electricity of Lebanon: Problems and recommendations. *Energy Procedia*, vol. 19, pp. 310–320. DOI: 10.1016/j.egypro.2012.05.211.
15. Makdisi S., El Khalil Y. 2017. Lebanon: Sectarian consociationalism and the transition to a fully fledged democracy. In *Democratic transitions in the Arab world*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 240–268.
16. Roccu R. 2019. Democratization beyond capitalist time: Temporalities of transition in the Middle East after the Arab uprisings. *Middle East Critique*, vol. 28, no. 3, pp. 1–15. DOI: 10.1080/19436149.2019.1633054.
17. Salloukh B.F. 2019. War memory, confessional imaginaries, and political contestation in postwar Lebanon. *Middle East Critique*, vol. 28, no. 3, pp. 341–359. DOI: 10.1080/19436149.2019.1633748.
18. Szekely O. 2014. The costs of avoiding transitional justice: Lessons from Lebanon. In Fisher K.J., Stewart R. (eds.). *Transitional justice and the Arab Spring*. London, Routledge, pp. 94–111.
19. Vaughan K. 2018. Who benefits from consociationalism? Religious disparities in Lebanon’s political system. *Religions*, vol. 9, no. 2. DOI: 10.3390/rel9020051.